

Правда Украины - Киев - 1991 - 20062
К 50-летию ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

РЯДОМ С КОМИССАРОМ

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ КОМАНДИРОВКИ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

Верно заметил Сурков, не было такой горячей точки военных событий, которая бы не отразилась в стихах, прозе, публицистике Симонова. Война только-только подобралась к Приазовью, а корреспондент «Красной звезды», находившийся до этого на Западном фронте, под Могилевом, уже спешит сюда.

Очень хотелось узнать подробности. Константин Михайлович охотно откликнулся на просьбу херсонского журналиста (я тогда работал в Херсоне).

«Дорогой Давид Ильич, — писал он, — раз Арабатская стрелка — это Херсонская область, то мне действительно есть что вспомнить о днях, проведенных на Херсонщине...»

Когда я перечитываю эти строки, мне слышится его голос, угадывается характерная, с картвинкой интонация:

«В моем сознании — видимо от того, что я ездил на Арабатскую стрелку из Симферополя, она представлялась частью Крыма, а не Херсонщины. Вот почему я не ответил в свое время, ничего не мог ответить на Ваше письмо».

Посылаю Вам небольшой отрывок из моих дневников 1941 г., который я озаглавил «Комиссар Николаев» — по имени главного действующего лица этого кусочка дневников.

Об этом человеке я не так давно... писал в «Литературной газете», в статье «Комиссары». Но там ему был посвящен кусочек статьи, а здесь все, что происходило там, на Арабатской стрелке, рассказано гораздо подробнее.

Дневники эти, вернее, не дневники, а дневниковые записи, я переделывал для своих блокнотов и по памяти в разное время весны и лета сорок второго.

Этот кусочек (11 машинописных страниц — Д.Ф.), судя по упоминанию о Брянском фронте, продиктован где-то летом сорок второго. Если он пригодится для Вашей будущей книги «Литературной биографии Херсонщины», то я буду рад, если Вы его используете».

Сразу оговорюсь: книга еще не сложилась. Но я считал своим долгом по случаю 50-летия Отечественной войны познакомить читателя с этим письмом и поделиться тем, что узнал о людях, с которыми встречался корреспондент «Красной звезды» на Арабатской стрелке, и как они вошли в его книги. Начинаются же дневниковые записи Константина Михайловича так:

«В самые тяжелые дни начала войны мне много раз приходилось встречать людей, с которыми в моих тогдашних представлениях связывалось ощущение духовной стойкости и, в конечном счете, непобедимости. Одним из этих людей был для меня Андрей Семенович Николаев, корпусной комиссар, член Военного Совета Особой Крымской армии».

Страницы дневника... связаны именно с этим челове-

ком. Место действия Арабатская стрелка, время действия — конец сентября 1941 года. Немцы ночью, переправившись из Генгическа, перебили на оконечности Арабатской стрелки наших, заняли наши окопы. Утром Николаев приехал на Арабатскую стрелку и стал наводить порядок. В этот день было много всякого... Мой дневник рассказывает лишь об одном эпизоде.

Вспоминая войну, в первую очередь, конечно, хочется вспомнить о победах, но не стоит забывать и о том, с чего мы начинали войну. Только помня об этом, понимаешь, какую огромную дистанцию прошла наша армия — от первых трагических дней, от вот этой Арабатской стрелки до Берлина, до освобождения Европы...»

Две недели корреспондент был рядом с комиссаром. Видимо, в тех экстремальных условиях срок вполне достаточный, чтобы разобраться в человеке, понять его и полюбить.

В той трагической обстановке комиссар проявил удивительное мужество, выдержку, умение ориентироваться на поле брани. И не только! А сказать трусу, что он трус и мерзавец? То же надобно смелости. Но он не только говорит это, он со всей решительностью отстраняет труса от командования полком. Ему, комиссару, необходимо в считанные дни поднять бойцовский дух обороняющихся Крым на этой узкой и такой беззащитной полоске земли, окруженной проселенным Сивашом. Потому он и строг, и требователен. Потому внимателен и добр к солдату.

Что делает в такой ситуации корреспондент? Подхватив брошенные кем-то в окопе винтовки, сумку с гранатами да еще четыре магазина от полуавтоматов с патронами, он устремляется вслед за комиссаром. И при всем этом не выпускает из поля зрения Пашу Анощенко, на удивление смелую, если не отчаянную девочку, которая упростила комиссара «взять ее в Красную Армию». Разговор состоялся после того, как она подвозила Николаева и Симонова в сторону Генгическа и обратно. И вот голубоглазая «шоферка» (выражение корреспондента), так и не успевшая переобмундироваться, возит своим грузовиком снаряды и мины, подцепив к хвосту своей пробитой пулями полуторки миномет.

Как порой рождаются и заселяются литературными персонажами книги? Заметную роль играет случай. Так по крайней мере было в тот раз у Константина Михайловича, он охотно рассказывал об этом, когда мы встретились.

Зимой того же сорок первого, когда он возвратился в Москву, редактор, просматривая очерк, спросил: не тот ли это комиссар, который утверждал, что храбрые погибают реже? Симонов подтвердил: да, тот! Редактор обрадовался:

— Тогда напиши на эту тему рассказ.

Симонов был в растерянности: он никогда прежде не писал рассказов. Но фразы редактора было достаточно, чтобы со всей остротой вспомнить все, что происходило на Арабатской. Вскоре «Красная звезда» опубликовала его рассказ «Третий адъютант».

— Вполне вероятно, — сказал Константин Михайлович, — не было бы разговора с редактором, рассказ мог бы и не появиться.

А потом он занялся повестью «Пантелеев» — так нарек в ней Николаева, при этом оставив его собственное имя-отчество — Андрей Семенович. В этой книге и нашли художественное разнотение события и люди Арабатской стрелки осени сорок первого года.

В повести герой гибнет в Крыму, а в жизни... В апреле 1942 г. Константин Михайлович встретил неожиданно Николаева в Москве. Он был освобожден от должности члена Военного Совета армии, понижен в звании. Вот почему приехал в Москву — добивался, чтобы его безотлагательно направили на фронт в любой должности. Наконец рапорт удовлетворили, назначив его комиссаром 150-й стрелковой дивизии. В июле сорок второго, под Лозовой, куда впоследствии была брошена дивизия, шли очень тяжелые оборонительные бои. На линии огня был и комиссар. Он сделал все, что мог, и погиб со всеми, кто тогда стоял на смерти.

Как хорошо, что мы теперь знаем об этом! Комиссар остался в нашей памяти прежде всего благодаря мужеству самого писателя. Как и в книге «Разные годы войны», К. Симонов, говоря о твердом и непреклонном характере комиссара, подчеркивал, что тот был из донецких шахтеров. В повести даже упоминается, будто он из Енакиева. Тогда я не догадался поподробнее расспросить писателя о его герое. Теперь я знаю начало его пути.

Андрей Семенович Николаев родился в Луганске в 1902 г. и оттуда пятнадцатилетним парнишкой подался в Красную Армию. Участвовал в боях против Деникина, а в 1919—21 гг. — против Врангеля. Иначе — сражался в тех же местах, а возможно, и на той же Арабатской стрелке, где осенью сорок первого встретился с фашистскими захватчиками. А тогда, в гражданскую, будущий комиссар был неоднократно ранен — с юности не привык кланяться пулям. Так было и в 1938-м, когда лицом к лицу встретился с японскими самураями. Тогда на его груди появился второй орден Красного Знамени. Первый получил за гражданскую. В горький час прощания с Ильичом молодой командир Красной Армии стал большевиком. Вчитываясь в скупые строки документа, полученного из Центрального Архива Министерства обороны СССР, понимаешь, откуда черпал свое мужество комиссар, что помогало ему проявить такую решительность и стой-

кость на Арабатской стрелке и принять смерть под станцией Лозовой.

Не затерялась в памяти писателя и голубоглазая девочка с солепромысла. С ней мы встретились не только в очерке, опубликованном по ходу событий в «Красной звезде», но и в повести «Пантелеев», где она предстала читателю, как Паша Горобец. Уже словами Лопатина было замечено: «Она искренне не понимала своей храбрости». Позднее, когда Симонов работал над новой пьесой, он не мог не вспомнить о ней, создавая образ отважной подпольщицы, терпеливой и преданной Родине, и поселил ее среди самых достойных «Русских людей».

— Я даже фамилию девушки не изменил — Анощенко — так она вошла в мою пьесу.

Если бы этого и не рассказал писатель, все, кто смотрел телефильм или спектакль «Русские люди», все равно узнали бы в Валентине Анощенко славную шоферку Пашу Анощенко — так они схожи. Об этом упоминает и сам драматург. Вспомним, что он пишет, предвзяв пьесу: место действия — Южный фронт. Время действия — осень 1941 г., т. е. тогда, когда он впервые встретился с ней на Арабатской стрелке. В пьесе Валя Анощенко говорит о себе: «Я раньше шофером у председателя горсовета работала». Она вправду была шофером — за баранкой ее и застала война.

Написать первый рассказ «Третий адъютант» помог корреспонденту случай (вспомним разговор с редактором). А все началось со встречи с комиссаром. Выходит, отсюда и пошел прозвук Симонов? Если внимательно присмотреться к его практике, то поймем «технологию», которая сложилась у журналиста, ставшего писателем. Он брал людей из войны, из своих документальных очерков и переселял в свои романы, повести, пьесы, продолжая тем самым их жизнь. Что же касается Пашу Анощенко, а точнее Параскевии Николаевны Колуповой (по мужу), то с ней писатель и после войны встречался в Москве, переписывался, дарил свои новые книги. Виделся с ней и я, когда она еще работала в крымском совхозе «Рассвет».

— Как же я удивилась, — говорила она восторженно, — когда узнала, что командир с карабином, распрашивавший меня, корреспондент и писатель. А он же ходил с бойцами в штыковую. Ни на шаг не отступал от комиссара...

Астроном Николай Степанович Черных не был на войне — годы не вышли. Но он сделал все, чтобы увековечить память тех, кто принес нам Победу. И одну из открытых им малых планет назвал этим величественным словом. А еще одну — под номером 2426 — Симонов — в честь любимого им писателя-бойца.

Д. ФАЙНШТЕЙН.
Член Союза журналистов СССР.
Донецк.